

563
519

НА ВОЛГѢ

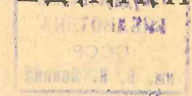
НА ВОЛГѢ

ИЛИ

ЗЛОМЪ ГОРЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ.

Издание

„ПОСРЕДНИКА“.

№ 66.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собств. домъ.
1911.

АННА ПОСРЕДНИКА

НА ВОЛГѢ

ВЪЗРОДЪ ТОЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ

НА ВОЛГѢ

или

ЗЛОМЪ ГОРЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ.

I.

Наступилъ вечеръ. Въ маленькой избѣ было почти темно. На лавкѣ, въ переднемъ углу, лежала больная женщина и изрѣдка стонала. Подлѣ нея на скамьѣ сидѣлъ сынъ ея, лѣтъ 15-ти. Его оставилъ отецъ въ домѣ хозяиномъ, а самъ уѣхалъ на заработки.

Лежить больная и тяжело переводить духъ. Мальчикъ то начиналъ дремать, то тревожно взглядывалъ на мать. А она лежала какъ будто въ забытѣ. Потомъ поворотилась, открыла глаза, охнула и позвала:
— Ваня! а, Ваня!

Handwritten notes on a piece of paper pasted over the left page, including the word "Ваня" and other illegible scribbles.

Подошелъ къ ней мальчикъ, нагнулся и говорить:

— Чего тебѣ, что, мама?

— Охъ, голубчикъ мой, сядь сюда, посиди.

Сѣлъ Иванъ, смотритъ на него мать и заплакала; глядя на нее, заплакалъ и Иванъ.

— Да что ты?—говоритъ онъ.

— Охъ, Ванюшка, плохо что-то мнѣ: не долго проживу, помру я, помру-у-у!

И заплакала опять больная.

— Да полно, мама, зачѣмъ ты, зачѣмъ... не плачь!

— Жалко мнѣ, Ванюшка, о-охъ жалко!..

— Да перестань плакать-то! Богъ дастъ—полегче будетъ.

Поплакала она, успокоилась и просить:

— Дай мнѣ водицы испить.

Подаль ей Иванъ. Напилась она и говорить:

— Сядь опять, посиди, Ванюшка, хочу я съ тобою поговорить, давно я съ тобой поговорить-то хотѣла—уму-разуму поучить, про жизнь рассказать; про свою я жизнь-то расскажу, на себѣ что испытала, и чему меня Богъ научилъ.

И начала она:

— Радости да счастья въ жизни-то мы ищемъ, Ванюшка, какъ лучше бы намъ жить да чтобы хорошо намъ было, а не находимъ этого въ жизни, все маемся только. А потому не находимъ, что не понимаемъ, гдѣ счастье искать, потому что зло въ насъ сидитъ и съ пути сбиваетъ. Вотъ много я и сама въ жизни-то видѣла, больше въ горести жила да добра не знала, и не понимала я, какъ жить надо, чтобы по-Божьи было; тогда только я это узнала, когда Господь тому научилъ.

Горе-то да зло меня встрѣтили, когда я замужъ вышла, въ большую семью попала; а въ большой-то семьѣ тогда только хорошо, когда въ миру да согласьѣ всѣ живутъ. Сохрани Богъ, если зло-то въ такой семьѣ поидеть, распадется она, и добра ей не будетъ. Жили мы сначала въ семьѣ въ ладу, безъ грѣха жили—другъ другу уважали и батюшку слушались; а тутъ и заведись у насъ грѣхъ; между бабами сначала пошло, изъ-за пустяковъ грѣхъ-то открылся,—всегда онъ съ малости зачинается. Уступать ни-

кому не хочется, ну и пойдеть разладаца, а съ этого и хозяйство ужъ не такъ пошло, изъ-за работы перекоры стали,—кто много, а кто мало работаетъ, и стала я мужа своего въ дѣлежкѣ подбивать: отойдемъ, молъ, свое хозяйство будемъ править, а тутъ работай на чужіе рты, да отъ своего отказывайся. И разбилась наша семья... Отопли мы съ мужемъ; домишкомъ обзавелись, своимъ хозяйствомъ заниматься стали. Перво-на-перво ничего было, радовалась я, что изъ семьи изъ-подъ начала вырвалась, сама, молъ, хозяйка стала, по своей волѣ живу... А тутъ и узнала я, какъ труднѣе порознь-то жить; какъ много-то насъ было, такъ и съ нуждой сообща справлялись, а тутъ одной приходилось биться—помоги не было; пошли у насъ ребятишки, еще мнѣ тяжелѣе стало, и мужу я плохой помощницей по работѣ сдѣлалась. Работаетъ, бывало, мужъ одинъ, старается, безъ устали работаетъ, да у одного-то, видно, все не такъ спорится, и бьется какъ рыба объ ледъ. А тутъ еще со скотиной бѣда: то лошадь заболѣетъ, то корова сдохла, а тамъ недоимки... и шибло это

насъ съ дѣла, никакъ съ бѣдой не справимся, и пошло наше хозяйство хуже да хуже. И вспомнила я тутъ, какъ мы въ семьѣ-то жили — недостатковъ не видѣли, и стало мнѣ обидно да горько, зло меня взяло, на своихъ злиться стала, будто ихъ вина... Охъ, Ванюшка, отъ зла-то,—зло себѣ будишь, въ любви-то да согласіи куда какъ лучше.

Порознь каждому тяжело, силы у одного мало, а сообща бы все легче.

Вижу я, какъ мужъ-то одинъ съ нуждой молча перебивается, вижу и сердцемъ своимъ надрываюсь, переболѣло все мое сердечушко, да и ему невтерпежъ стало съ нуждой справляться, и озлился онъ на меня жетъ, говорить, все смутила... И началъ пить онъ, а потомъ бить меня сталъ. Терпѣла я, и горько мнѣ было. Охъ, горько! Еще хуже жизнь наша стала, нелады у насъ съ мужемъ пошли, онъ все изъ дому тащитъ, пропиваетъ, а я бьюсь одна по дому да съ ребятишками.

Да гдѣ жъ было справиться? И въ полѣ и въ домѣ неуправка. Сколько разъ безъ хлѣба сидѣли. Вотъ и заставила нужда по-

міру итти... Охъ, тяжелая нужда только заставить въ люди за кускомъ итти... и пошла я тайкомъ по чужимъ людямъ собирать; пойдешь ночкомъ, посбираешь да домой принесешь... Много слезъ я выплакала, а не хотѣла зла оставить, не хотѣла передъ своими повиниться и не смирялась я сердцемъ. И жила я такъ зломъ да завистью, душой измучилась. А тутъ померъ батюшка-свекоръ, и еще на одно меня лукавый подтолкнулъ: стала я мужа къ суду подбивать, чтобы въ дѣлежку съ братьями вступился. Какъ затянули мы это дѣло, такъ и послѣднее все прахомъ пошло... Охъ, въ тяжбахъ толку-то мало! Какъ по-Божьи бы, по правдѣ жили, такъ и добро бы видѣли.

Затянулись мы съ тяжбой, не знаю, что бы дальше было, до чего бы во злѣ-то дошли, если бы Самъ Господь намъ путь не указалъ—наше сердце не смирило.

Присталъ разъ у насъ старичокъ древній проходомъ куда-то; присталъ да разговорился, про бѣдность нашу помянулъ; да какъ выслушалъ, что съ нами было и какъ мы

прежде жили и сколь между собой вражды завелось, покачалъ головой, да и сказалъ:

— Не къ добру все это; зло вы, други, дѣлаете; не такъ жить-то надо: хочешь, чтобы себѣ хорошо было, другимъ тоже добро дѣлай.

— Какъ же, молю, это, дѣдушка, научи? А онъ и говоритъ:

— Къ добру надо жить, а не къ худу; только то дѣлать, что Богъ тебѣ велитъ, а Богъ-отъ въ любви; какъ будешь жить въ любви-то, въ покоѣ будешь и въ радости, и зло не повредитъ тебѣ. Кабы въ миру-то да въ согласьи жили, и суда бы межъ вами не было, а то только зло да трата одна.

— Да что же, молю, дѣдушка, дѣлать-то?

— Гасить, говорить, надо, гасить, зло погасить, чтобы не разгоралось, вреда бы вамъ не дѣлало.

— Да какъ, молю, гасить-то его?—А сама думаю: гасить,—говорить,—вѣдь не огонь, чуденъ человекъ.

И говоритъ старикъ:

— Гасить-то какъ? Такъ надо гасить, какъ Богъ сказалъ, какъ Христосъ велѣлъ:

доброемъ надо гасить зло-то; у Бога просите, чтобы разумъ просвѣтилъ, путь указалъ,— какъ узнаете правду, какъ жить Богъ-то велѣлъ, такъ легко сдѣлается, жизнь поймете... Охъ, много мы сами себѣ тягостей дѣлаемъ: зло разводимъ. Старайтесь, други, старайтесь: гасите его.

И не сказалъ больше ничего и легъ спать и заснулъ, а я все о томъ думала, какъ это зло-то гасить.

И начала я съ той поры про эти рѣчи думать да того средства искать, какъ зло погасить, и стала я Бога просить, чтобы вразумилъ меня—путь указалъ, а какъ стала я объ этомъ думать, смягчилось мое сердце, и въ душѣ легче стало. И нашла я, Ванюшка, средство то, чѣмъ зло можно погасить; въ себѣ я его нашла, не понимала я, глупая, раньше, что жизнь-то наша любовью держится. Смирилась я, себя пересилила, вражду изъ сердца выбросила. И вздумала я облегчить себя, пошла къ своимъ, чтобы прощенья у нихъ просить. Прихожу я къ нимъ, а они всей семьей завтракать собра-

лись; какъ увидали меня на порогѣ—чуждо имъ это—установились всѣ на меня...

Вошла я, помолилась да прямо имъ въ ноги бросилась,—простите, молъ, меня Христа ради, обижала я васъ, зла много дѣлала, а теперь Бога вспомнила. И заплакала я, лежу на полу, не встаю, плачу да прощенья прошу; не уйду, молъ, безъ того, Богъ такъ велитъ, простите меня, зла не помните, душу мою успокойте.

И всталъ братъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ, подымать началъ.

— Что ты,—говорить,—встань,—чай, мы люди тоже...

— Не встану... простите Христа ради, погасите зло-то...

И сказалъ братъ:

— Богъ тебя проститъ, зачѣмъ зло помнить, насъ прости.

Какъ сказалъ онъ это, всѣ изъ-за стола встали, меня подымать начали, на лавку усадили.

— Прости,—говорять,—ты насъ: сами много грѣшили.

Бросилась я къ нимъ, заплакала, и они

заплакали. И стало послѣ этого ровно свѣтлѣе всѣмъ, радость какую-то почувяли, весело всѣмъ сдѣлалось, за столъ меня съ собой посадили, ровно праздникъ большой мы въ этотъ день встрѣтили.

Какъ сдѣлала я это и себя облегчила — будто опять на свѣтъ родилась, и зло во мнѣ прошло и горя убавилось, а на сердцѣ легко сдѣлалось.

Какъ помирились мы всѣ — и жить стало покойнѣе, другъ другу помогать начали, и мужъ ободрился, пить бросилъ, за работу взялся. И тутъ только мы свѣтъ увидали да Бога поняли, и поняла я, Ванюшка, чему Богъ-то насъ учить, — любви, добру Онъ насъ учить, какъ лучше, чтобы людямъ было; не зло Онъ даетъ, не тяжести, сами мы тяжести себѣ дѣламъ. Вотъ такъ-то и я до поры жила да маялась, какъ зло-то носила, а какъ поняла я Бога, такъ и добро увидала... Охъ, въ любви-то, въ любви бы людямъ жить, Ванюшка, свѣтъ бы увидали, а то мы ищемъ счастье-то, а оно въ насъ, не понимаемъ мы только этого... на себѣ все испытала, сама узнала. Добра держись и самъ

добро увидишь... помни это, Ванюшка, не худу учу, какъ жить учу, чтобы по-Божьи было... Его помнить надо.

И замолчала она.

И понялъ Иванъ, чему мать учила; и вошли тѣ слова въ сердцѣ Ивана, и сталъ онъ о нихъ часто думать и на своей жизни провѣрку имъ дѣлать.

Не долго прохворала мать; схоронили ее.

II.

Вскорѣ пришло къ Ивану извѣстіе, что отецъ его на заработкахъ померъ, и остался Иванъ одинъ. Погореваль онъ, потужилъ, подумаль о томъ, что ему дѣлать, что начать, и рѣшилъ за крестьянство взяться. И сталъ править хозяйство, какъ умѣлъ. Хоть и бѣдно онъ жилъ, а все-таки не хуже людей дѣло правилъ, пьянствомъ не занимался, не баловался, и всѣ уважали его.

Прошло года три. Пообжился Иванъ, свылся съ дѣломъ, и сталъ онъ о другомъ думать: хозяйку ему хотѣлось въ домъ взять, жениться задумалъ. Какъ рѣшилъ онъ это, началъ себѣ подругу по мысли искать. И пришла ему по сердцу такая же сирота, какъ и онъ самъ, — дѣвушка Маша изъ сосѣдней деревни. Жила она у дяди на посовушкахъ да на поколотушкахъ; послѣ отца, матери маленькая осталась, и не видала она ласки, только въ тяжелой работѣ да тычкахъ жизнь ея проходила. И сталъ Иванъ въ ту деревню каждый праздникъ ходить.

Полюбилась ему Марья, и онъ ей по душѣ пришелся. И сталъ Иванъ ждать, когда время посвободише будетъ, чтобы посватать ее, какъ вдругъ явился ему соперникъ въ этомъ дѣлѣ. То былъ товарищъ его — Василий, зажиточный парень изъ одной съ нимъ деревни; онъ тоже вздумалъ за Машу свататься.

Услыхалъ это Иванъ, упалъ духомъ и загрустил; думаетъ: „Идѣ мнѣ съ нимъ тягаться: парень богатый, за него скорѣе отда-

дуть — собьютъ Машу. Скоро свидѣлся Иванъ съ нею, она ему и говоритъ прямо:

— Полно грустить, Ваня, пойду ли я за кого?... За тебя только и пойду.

Успокоился Иванъ. А родные Маши хотѣли ужъ совсѣмъ сватовство покончить, за Василія рѣшить. Не думали они, что Марья противиться будетъ. И во снѣ-то, думаютъ, такого жениха она не видала; да уперлась Марья. Удивились родные: что это съ дѣвкой стало: то смиренная да покорная была, послушаться не смѣла, боялась всѣхъ, а тутъ совсѣмъ другая сдѣлалась.

— Не пойду, — говоритъ, — за Василія, что хотите, дѣлайте.

И говорятъ ей:

— Да что ты, глупая, какого еще жениха тебѣ: парень хозяйственный — деньги есть.

— Что мнѣ деньги? Не видала я ихъ и не нужны онѣ мнѣ.

— Худо безъ денегъ-то; лучше иди, за кого тебя велятъ, чего упрямышься!

— Да что съ ней толковать, — сказалъ дядя: — онъ всегда этакъ; кончайте по рукамъ, — и шабашъ.

Бросилась Марья ему въ ноги.

— Дяденька, не губи, пожалѣй меня! Не пойду я за Василю, что хотите, дѣлайте!..

— Да что это ты, послушаться вздумала?

— Не ослушивалась я никогда, не ослушивалась, спасибо вамъ, за хлѣбъ за соль спасибо, а теперь не невольте меня... не по сердцу мнѣ...

Такъ и не могли уговорить ее; порѣшили одуматься дать и дѣло оттянули.

На другой же день сталъ и Иванъ свататься.

— Ну, что, — спрашиваютъ опять Марью: — за котораго больше сердце лежитъ; не Ивану чета Василій-то.

— За Ивана, — говоритъ, — пойду.

Засмѣялись всѣ — за шутку приняли.

— Да ты полно дурить-то, — дѣло говори, — сказалъ дядя.

— Не шучу я, дядюшка; ужъ коли дѣлу быть, такъ за Ивана пойду.

И стали ее опять уговаривать, чтобы шла за Василю. А Марья уперлась на одномъ: не по сердцу Василю — за Ивана иду.

— Да вѣдь онъ голышъ, Иванъ-то!

— Что жъ, что голышъ, да любовь онъ мнѣ, — тихо сказала Марья и потушилась, покраснѣла вся.

Махнулъ на нее дядя рукою; сама, думаетъ, захотѣла, лучше, — пенять ни на кого не будетъ.

И отказали Василю; отдали за Ивана и скоро свадьбу сыграли.

III.

Зажилъ Иванъ съ женою душа въ душу; словно радость какую она ему принесла; весело ему стало, и работается легко.

Работаетъ Марья, мужу по хозяйству по-соблажаетъ, и не наладится на нее Иванъ; думаетъ, что счастливѣе его и человѣка не найдется, былъ онъ доволенъ всѣмъ, что самъ трудомъ добывалъ.

Какъ случилось то дѣло, что Иванъ Марью за себя взялъ, Ивану стало хорошо, а Ва-

илию—худо. Крѣпко озлился Василій, что Иванъ Марью отбилъ; не то ужъ ему больно обидно, что Марья за него не вышла, а то, что Ивана предпочли. И сталъ онъ врагомъ Ивану; началъ искать случая, чтобы Ивану отомстить; и въ маломъ и въ большомъ норовилъ досадить ему: то со двора что-нибудь стащить, то скотину изувѣчить, то хлѣбъ въ полѣ охлыщеть.

Зналъ Иванъ, кто ему эти каверзы творить, да терпѣлъ; думалъ: образумится парень когда-нибудь; и не дѣлалъ Иванъ зла на зло, молчалъ, долго терпѣлъ и, наконецъ, рѣшился поговорить съ Василиемъ. Встрѣтилъ какъ-то разъ Иванъ Василія въ полѣ, остановилъ его и сталъ говорить съ нимъ. А Василій нехотя отвѣчаетъ ему и самъ смотритъ въ сторону. Сначала про разныя дѣла толковали, а потомъ заговорилъ съ нимъ Иванъ про обиду его. Какъ только началъ Иванъ ему выговаривать, Василій въ задоръ вошелъ, сталъ ругаться и пригрозилъ Ивану еще хуже сдѣлать.

Заговорилъ-было Иванъ:

— Полно, Василій, одумайся, что я тебѣ

сдѣлалъ? Ну, за что ты озлился на меня? Побойся Бога!—и еще что-то хотѣлъ сказать, да отдернулъ Василій отъ него руку, плюнулъ и проворчалъ:

— Ишь толковню завелъ, сказалъ: достану тебя—и достану!

И пошелъ Василій прочь отъ него, не сталъ и слушать. Такъ и не смягчилось сердце Василія, а все больше и больше враждовалъ онъ противъ Ивана, особенно какъ выпеть.

А это съ нимъ часто бывало.

IV.

Собралась разъ Марья въ другую деревню къ своимъ погостить; встала утромъ пораньше, съ дѣломъ убралась и говоритъ мужу:

— Я хочу къ своимъ, Ваня, нынѣ сходить въ деревню: давно не была—повидаться хочется.

Иванъ и говоритъ:

— Поди, пожалуй, отдохни немного, а ты все за дѣломъ да за работой,—измаялась, чай; только не уходи надолго, Маша; погоди денекъ, а къ вечеру и домой.

Срядилась Марья и пошла къ своимъ.

Пробыла она тамъ весь день, а къ вечеру стала домой собираться.

— Да что ты, Марья,—стали останавливать ее:—погоди, ночуй у насъ, а утромъ и домой пойдешь; а то и завтра пробудь,—не сласть, чай, дома-то все въ работѣ да въ заботѣ.

— Нѣтъ,—говорить,—итти надо: мужъ ждать будетъ.

И пошла Марья домой.

Идетъ она, ужъ вечерѣтъ стало, а нужно лѣсомъ итти. Вошла она въ лѣсъ, жутко ей сдѣлалось—идеть, торопится, по сторонамъ глядитъ. Вышла она на одну прогалину, глядитъ: съ боку какой-то человекъ идетъ; торопится Марья, и человекъ торопится; всмотрѣлась она и узнала, кто это, обрадовалась попутчику.

— Василій,—говорить,—домой, что ли, идешь?

Остановился Василій, смотреть на нее.

— Марья!.. ты это? Домой, значить, идешь? Пойдемъ вмѣстѣ.

И пошли они оба. Молчить Марья, молчить и Василій—хмурый какой-то. Потомъ заговорилъ Василій:

— Къ своимъ, что ли, ходила?

— Къ своимъ,—сказала Марья.

— Гостить вздумала? Чай, дома-то плохо тебѣ?

— Что мнѣ плохо? Кабы плохо, не шла бы домой-то!

— Ну, рассказывай! Все въ работѣ да въ нуждѣ... не такъ бы жила, кабы за меня пошла.

И сказала Марья:

— Работа не позорь, грѣхъ безъ труда-то жить.

— Батрачкамъ такъ жить-то—кто въ работникахъ.

— Да вѣдь и у насъ не въ золотѣ руки-то; на то ихъ и Богъ далъ.

— Радости мало увидишь, вѣкъ маючись, вотъ что,—сказалъ Василій.

— Радость не въ золотѣ; иной и въ зо-

лотъ, да слезы текутъ, а иной и въ нуждѣ, да радость видить.

Помолчали они.

— Зачѣмъ ты тогда за меня не пошла, Марья?—опять спросилъ Василій.

— Полно, Василій, что ты вздумалъ...

— Нѣтъ, скажи: отчего ты тогда не пошла?

— По сердцу я пошла, вотъ что...

— За Ивана-то по сердцу?.. Эхъ, Марья, Марья, брось ты, право, Ваньку; уйди отъ него; бѣжимъ со мною, въ городъ уйдемъ; такъ заживемъ—люди завидовать будутъ. Разодѣну тебя, только холить буду, кралей будешь, не то что...

— Не хорошо говоришь, Василій: мужъ вѣдь у меня, по закону живу, — сказала Марья.—Сама по любви я замужъ шла, да и уйду отъ него?

Разозлился Василій.

— Что мнѣ твой законъ, — говоритъ. — Чѣмъ я хуже твоего Ивана? Идемъ со мной, брось ты его...

Марья остановилась.

— Перестань, не дѣло ты говоришь, самъ,

чай, понимаешь. Дура я, что ли, отъ мужа-то невѣсть по что уйду?

— Это я-то не дѣло говорю? Пстой, Марья, не шучу я: пойдешь ты или нѣтъ? Брось Ваньку, говорю я тебѣ,—и взялъ онъ было ее за руку.

— Да отстань, — говоритъ Марья: — ишь присталъ; шутить, что ли, вздумалъ!

— Э-эхъ, Марья, кабы шутить я... жить безъ тебя не могу!

Помолчалъ Василій, молчить и Марья, только скорѣе итти торопится, а Василій опять заговорилъ:

— Кажись, жизни не радъ!.. Иной разъ руки бы на себя наложилъ!.. Брось ты, говорю, Ваньку; терпѣть я его не могу... ужъ если что—спроважу я его...

Встрепенулась Марья.

— Что ты, Василій, Богъ съ тобою!

— Ужъ... не тревожь ты, Марья, не зли меня: себя не пощажу, коли не пойдешь со мною.

— Не пойду! Глупый ты, вотъ что! По любви шла—да уйду!

— Эхъ, Марья, а я-то развѣ не люблю тебя?

— Да перестань ты это: ужъ коли тогда не пошла, такъ теперъ и подавно. Ишь, что вздумалъ!

— Ну, Марья, не стерплю я; не идешь со мною—такъ погублю тебя; не доставайся ужъ никому, коли такъ...

Освирѣпѣлъ Василій, глаза даже кровью налились. Испугалась Марья, говорить:

— Что это ты, Василій, опомнись, Христа ради!

— Слушай, Марья, погоди, въ послѣдній разъ говорю: убѣжишь ты со мной или нѣтъ?

— Да отстань, не хочу я тебя!

— Бѣду сдѣлаю... не стерплю,—и Василій схватилъ ее за плечо.

— Сказала: не уйду отъ мужа, что ты пугаешь? Пусти, итти надо.

— Нѣтъ, постой, не пушу... Такъ не уйдешь?

— Пусти, говорятъ!

— Убью вѣдь... тебя убью!

Не помнитъ себя Василій, не помнитъ, что и говорить. Вырвалась отъ него Марья и

бросилась бѣжать; бросился и Василій за ней; а въ рукахъ у него палка толстая была.

Совеѣмъ обезумѣлъ онъ, кричитъ:

— А, ты такъ, отъ меня бѣжишь, къ Ванькѣ бѣжишь; не отдамъ же ему, на же тебѣ!

И бросилъ онъ въ Марью съ размаху палкой. Рухнулась Марья, ровно снопъ свалилась. Упала она, лежитъ—не шевельнется: палка прямо по виску попала.

Подбѣжалъ Василій, поглядѣлъ,—не жива она и дышать перестала. Испугался онъ, остолбенѣлъ сначала, стоитъ да на Марью смотреть. Потомъ вдругъ опомнился, схватился за голову и бросился бѣжать.

V.

Долго ждалъ домой Иванъ Марью; ужъ темно сдѣлалось—ложиться спать на деревнѣ стали, а Марья все нѣтъ да нѣтъ. И думаетъ онъ: „Что бы это такое? Давно бы ей

пора дома быть, долго что-то она. Не случилось ли развѣ что? И затосковалъ Иванъ; спать не ложится, все за ворота ходитъ, на улицу глядитъ, Марью ждетъ. Наконецъ, не утерпѣлъ Иванъ. „Дай, думаетъ, лошадь запрягу, за ней поѣду, что она тамъ“. Такъ и сдѣлалъ Иванъ.

Выѣхалъ онъ, а самъ на дорогу все приглядывается, — не идетъ ли гдѣ Марья. Ѣдетъ онъ такъ лѣсомъ, лошадка трусцой бѣжитъ; смотреть: на дорогѣ что-то чернѣется. Подѣхалъ ближе, захрапѣла лошадь и въ сторону бросилась; соскочилъ Иванъ, посмотрѣлъ издали, — лежитъ что-то на дорогѣ, какъ будто человѣкъ. Кольнуло Ивану въ сердце: не Марья ли ужъ это? Бросился впередъ, подбѣжалъ — смотреть: и впрямь Марья; лежитъ она навзничь, голова запрокинулась. Нагнулся онъ поближе, смотреть: кровь около. Завопилъ тутъ Иванъ, заплакалъ, припалъ къ ней, голову ея ухватилъ.

— Ахъ, Господи, что это ты, что ты?... Маша!.. Маша!..

Пошевелинулась легонько Марья, вдохнула и глаза открыла.

— Маша, Машенька, голубушка, что это, что съ тобою?

— Ваня, ты это?.. Голубчикъ мой... прости...

— Да что ты?.. Что это?.. Кто тебя... и не договорилъ Иванъ и заплакалъ.

— Перестань, Ваня... Богъ съ нимъ... Василий это... — И закрыла глаза Марья, слеза на щекѣ показалась.

— Машенька, погоди, голубушка, я подыму тебя... на лошадь... домой повезу...

— Не тронь, Ваня... плохо мнѣ... не долго проживу.

— Да нѣтъ, погоди, зачѣмъ это ты... вотъ я на руки...

И поднялъ Иванъ Марью, на руки взялъ и домой повезъ. Забылась Марья, лежитъ на рукахъ, чуть-чуть дышитъ. Привезъ Иванъ ее домой, въ избу внесъ, на лавку положилъ и водой началъ рану мочить. Всю ночь онъ около нея прохлопоталъ, отойти не смѣлъ. А Марья то придетъ въ себя не надолго, то опять забудется.

Утромъ вся деревня узнала, что съ Марьей случилось; пошли толки, догадки разные; а Иванъ про все забылъ, только на Марью

глядитъ; какъ привезъ ее, такъ ни на шагъ не отходитъ, и лошадь забылъ отпрячь, и ворота настезь стоять.

Не долго промучилась Марья: въ тотъ же день Богу душу отдала; въ послѣдній разъ пришла въ себя, открыла глаза, взглянула на мужа и еле-еле проговорила:

— Ваня... Ваня... Ахъ, милый мой...— и не выговорила больше, только слезы изъ глазъ полились, и дышать рѣже стала; опять глаза открыла, еще что-то сказать хотѣла и застыла вдругъ; глубоко-глубоко вздохнула, и такъ и умерла она на рукахъ у Ивана.

Зарыдалъ Иванъ, на грудь къ ней припалъ.

— Ахъ, Маша, Маша, радость ты моя, взгляни на меня, голубушка!

Зоветь ее Иванъ, умоляетъ, а она лежитъ, не шелохнется, будто крѣпко-крѣпко заснула.

Бросился Иванъ на полъ и зарыдалъ.

— Господи, Господи, что же это? за что?— и потерялъ онъ память.

VI.

Похоронили Марью, остался съ своимъ горемъ Иванъ. Много онъ думъ передумалъ, много слезъ пролилъ... Еще тяжелей ему было оттого, что какъ станетъ думать про смерть Марьи, такъ и вскипитъ у него въ душѣ злоба, думаетъ: объявить или нѣтъ, кто убилъ Марью? Мучило его это, и не зналъ онъ, что съ собой дѣлать.

— Эхъ, пойду, объявлю, пушай его, изверга, судятъ.

И пойдетъ Иванъ, а потомъ одумается и махнетъ рукой.

— Да что толку-то будетъ? Вѣдь нѣтъ ея, не воротишь... не дадутъ ее мнѣ... Ахъ, Маша, Маша!

И повѣситъ Иванъ голову и назадъ повернетъ. Пройдетъ это съ нимъ, а какъ задумается, опять на ту же мысль нападетъ.

— Да что потакать-то ему?.. Марью у меня отнялъ, да и поступаться такъ?.. Злодѣя скрывать?.. Нѣтъ, надо объявить! Ахъ, Господи, Господи, что же мнѣ дѣлать? Ра-

дось у меня отняли, душу отняли! Ахъ, не воротять вѣдь не воротять ея! Что мнѣ съ того, что его засудятъ: все равно ея нѣтъ, не будетъ ея...

И мучился такъ Иванъ долго.

Много разговоровъ было на деревнѣ, и слѣдствіе снаряжали, и Ивана допрашивали. Не сказалъ ничего Иванъ; вспомнилъ, что ему Марья сказала: „Богъ съ нимъ!“ и промолчалъ про Василю.

Долго въ горѣ былъ Иванъ; угрюмый та- кой сдѣлался, задумчивый, говорилъ мало. Работаетъ, бывало, топоромъ что-нибудь рубить, да какъ махнетъ топоръ въ сторону, работу бросить, сядетъ и голову руками обхватить. Сидитъ такъ иногда часъ и больше, сидитъ не шевелится, только изрѣдка вздыхаетъ.

Жалѣли его многіе сосѣди, уговаривали.

— Нѣтъ, — говоритъ, — пропала моя радость, совсѣмъ пропала. Погибла она, моя голубушка! Жизнь у меня отняли: только и богатства было... и заплачетъ.

И совсѣмъ закручинился Иванъ: цѣлыя ночи не спитъ, по цѣлымъ днямъ не ѣстъ;

сидитъ гдѣ-нибудь да свою горькую думу думаетъ. И хотѣлось бы забыть Ивану, да горе никакъ изъ сердца нейдетъ. Иной разъ до того доходила тоска, что готовъ бы и съ жизнью покончить, и злоба тогда опять на сердцѣ закипитъ.

— Господи, не попусти на зло! — просилъ онъ только Бога.

VII.

Стали бабы объ Иванѣ на деревнѣ толковать, что съ парнемъ худо дѣлается; стали по-своему его горе судить; рѣшили, что лукавый опуталъ его, виды ему разные представляетъ, огненнымъ змѣемъ летать къ нему началъ, и въ образѣ Марьи являться; и оттого, дескать, онъ и по ночамъ не спитъ, а и стукъ часто у его дома слышится.

Пошли бабы толки да разговоры, суды да пересуды; одна баба совреть хорошо, а дру-

гая лучше; нашлись и такія, которыя стали съ божбой увѣрять, что своими глазами видѣли, какъ нечистый огненнымъ змѣемъ надъ Ивановымъ домомъ разсыпался.

Сидятъ бабы вечеромъ на завалинкѣ, около нихъ ребятишки играютъ, а немного въ сторонѣ мужики собрались. Сидятъ бабы и толкуютъ.

— Иду я, матушки мои, какъ-то разъ къ теткѣ Матренѣ,—говоритъ одна баба,—иду поздне-е-хонько. Прохожу мимо Ивановой-то избы, какъ вдругъ осіаетъ, свѣтло таково сдѣлалось; испужалась я, бабыньки, взглянула, а „онъ“ и летитъ, да такъ и пышетъ, такъ и пышетъ; хвостъ-атъ дли-и-и-ный, а голова-то ровно чанъ какой, а изъ пасти-то огни сыплются, такъ вотъ и сыплются; какъ поровнялся надъ Ивановой избой, какъ грохнется о землю, да какъ рассыплется... Батюшки мои! чуть опомнилась я, молитву сотворила, да на силу до дому добѣгла.

— Ахъ, Господи, Владычица матушка... страсти-то какія, страсти-то!..

— И-и, бабыньки, извелся парень-то, со всѣмъ извелся, вражья-то сила, ишь, его за-

брала... одинъ все... почитать бы надъ нимъ, бабыньки, знахаркѣ сказать...

— Къ попу надо, водицей бы побрызгать—лучше отшибаетъ; было разъ эдакъ-то у со-сѣдки съ молодухой—попритчилось, кликать стала, такъ батька пришелъ: это, говоритъ, бѣсы, издѣваются, я, говоритъ, живо вытворю; какъ побрызгалъ маленечко, ровно ру-кой сняло.

— А я иду разъ, матушки,—начала рассказывать другая баба,—уже вечерѣтъ стало, иду я это, а у Иванова-то плетня что-то шуршитъ; стала я, матушки, прислушалась—ровно кто стонетъ, да таково-о-то жалобно, инда за душу беретъ; заглянула я за плетень-то, а Иванъ-то и сидитъ, на корточкахъ эдакъ сидитъ одинъ какъ есть распрединый, никого возлѣ него не видать; сидитъ онъ эдакъ, да ровно съ кѣмъ говорить, головой качаетъ. Слышала я только, будто Марью помянулъ; испугалась я, поняла, что нечистый возлѣ него... Ноженьки подкосились и креста сотворить не могу; какъ собралась я съ духомъ-то, да какъ бросилась со всѣхъ ногъ бѣжать, а позади-то какъ загопочеть, за-На Волгѣ.

гогоочеть да такъ стра-а-шно, страшно, индо духъ мнѣ захватило.

— Охъ, грѣхи, грѣхи, Господи, Батюшки!.. — шепчуть бабы и крестятся.

Слушаль эту болтовню сидѣвшій тутъ же на завалинкѣ старый дѣдъ, слушаль, слушаль, да не вытерпѣлъ и говорить:

— Бude вамъ языки-то чесать: ишь ребяты только къ ночи пугаете; сами не понимаютъ ничего, а пустяковину тараторять, околесину плетуть .. грѣшно этому вѣрить-то...

— Да какъ же, дѣдушка, сами ишь видѣли...

— А вы бы зеньками-то больше глядѣли: ишь видѣли, а что видѣли — и сами не знаете; у парня горе на сердцѣ, а онѣ — нечистый летаетъ; доведись до всякаго, какъ горе-то хватить... не въ переносъ станется... Охъ, Господи, Батюшки!..

— Да сама, дѣдушка, сама я видѣла!

— Да что ты видѣла-то?

— Летитъ онъ, летитъ стра-а-шный!

— Да что летитъ-то? Мало ли что летитъ вонъ звѣздочка когда падаетъ... все твари это, отъ Бога все.

— Какая звѣздочка! Развѣ я не знаю? А это большу-у-щій.

— Тварь это все, говорю. Мало ли что ночью-то свѣтится! Вонъ сѣрички когда али гнилушки тоже свѣтъ даютъ, въ лѣсу вонъ червячки такіе бываютъ, мало ли что на свѣтѣ есть, все Божье, а по-вашему сейчасъ и нечисть. Ты вотъ видѣла только, а не знаешь, что это, а это все твореніе Божье... сила такая есть; вотъ какъ молонья али другая какая... Все Божье. Вонъ спроси любого мальчишку, который учится да книжки умѣетъ читать, и тотъ тебѣ умнѣ скажетъ, какъ въ книжкахъ-то написано, что люди до многого допытываются и доходятъ, а нечисти нигдѣ не нашли. Вы только съ дурью-то со своей и ребяты съ толку сбиваете. Въ сердцѣ нечисть-то, въ васъ она, коли зло дѣлаемъ, вотъ она гдѣ бываетъ-то. Вотъ на это бы смотрѣли, что нечисть въ сердцѣ разводите, добру бы учили, а то нѣ, человекъ въ горѣ, а онѣ свое... поклепъ дѣлаютъ, сказки выдумываютъ... Ахъ вы, пустомели!.. По-Божьи бы болѣ жили, дѣло бы разбирали, не разберуть да не поймутъ, и давай чепуху

молотъ; молчали бы лучше, грѣха на душу не брали... Охъ, Господи, Батюшка, глупый народъ-то, какъ есть темный!..

Всталъ дѣдъ и пошелъ домой. Замолчали бабы, не знали, что старику сказать. Кто поглупѣе — свое въ душѣ держалъ, въ выдумку свою вѣрилъ, а кто поумнѣе — одумались да старика послушались.

VIII.

Какъ мучился Василій послѣ своего недобраго дѣла, о томъ одинъ Богъ знаетъ. Всячески старался онъ заглушить свою совѣсть, да плохо удавалось ему это. Все больше и больше вдавался онъ въ пьянство; пропилъ все, что у него было, работу совсѣмъ бросилъ и озорничать началъ: то въ руготню, то въ драку влѣзетъ; перессорился со всѣми и, наконецъ, воровать сталъ.

Много разъ ловили Василю на воровствѣ,

подъ арестъ міромъ сажали, даже сѣкли не одинъ разъ; все такимъ же остался Василій: никакъ не могли его исправить, еще хуже послѣ сдѣлается, озлобится на всѣхъ и за старое дѣло опять возьмется. Махнули на него рукой, опасаться только стали да въ сторонѣ отъ него держались: боялись: какъ бы еще хуже чего не сдѣлалъ — деревню со зла не спалилъ бы.

Много худыхъ дѣлъ творилъ Василій, да не одно дѣло его такъ не мучило, какъ то, что онъ Марью убилъ; не даетъ это ему покоя ни днемъ, ни ночью, и не знаетъ онъ, какъ бы забыться и чѣмъ свою муку заглушить.

Тошно стало жить дома и Ивану послѣ того, какъ онъ схоронилъ Марью; не могъ онъ никакъ привыкнуть, что нѣтъ ея здѣсь, около него, и задумалъ онъ уйти куда-нибудь на сторону, свое горе размыкать.

Стали весною кое-кто на Волгу собираться, вздумалъ и Иванъ съ ними итти. Собрался и пошелъ съ первой же партіей на баржи наниматься.

Пришли они къ одному купцу, который

сгонялъ баржи съ разнымъ грузомъ, и на-
нялись у него погрузку дѣлать и на бар-
жахъ за рабочихъ итти.

Началась нагрузка баржи; сталъ Иванъ съ
другими рабочими таскать мѣшки съ хлѣ-
бомъ, тюки съ кожами да овчинами. Черезъ
нѣсколько дней окончили дѣло и отправи-
лись въ путину съ этой баржей. Шли они
сначала за пароходомъ. Сперва хорошо онъ
ихъ велъ, а потомъ сплеховалъ и на мель
ихъ въ одномъ мѣстѣ посадилъ, да такъ
посадилъ, что баржа такъ въ песокъ и врѣ-
залась; долго хлопоталъ около нея паро-
ходъ, никакъ стащить съ мели не могъ; бро-
силъ онъ ее тутъ и воротился назадъ за другой
баржей, чтобы привезти ее и перегрузку сдѣ-
лать. Пришла на другой день баржа и еще
рабочихъ привела, и стали они съ той бар-
жи на эту грузъ перетаскивать, чтобы об-
легчить ее и съ мели снять.

Тяжело было Ивану тюки да мѣшки безъ
привычки таскать, да и горе его было не
легко, и хотѣлось ему тяжелой работой за-
глушить его. Работалъ онъ безъ отдыха, съ
утра до самаго вечера, такъ что и опо-

мниться некогда; и вправду, стало ему за
работой легче на сердцѣ дѣлаться, горе от-
ходить понемногу стало, и сонъ сдѣлался у
него послѣ работы спокойнѣе.

Успокоился-было духомъ Иванъ, повесе-
лѣе сталъ; да на его бѣду, на той же бар-
жѣ, что пришла для перегрузки, прибылъ
его врагъ Василій вмѣстѣ съ другой партіей
рабочихъ. Какъ только увидалъ его Иванъ,
опять нахлынуло на него старое, и снова на
сердцѣ закипѣло зло. И работаетъ, а все
про одно думаетъ—Марью вспоминаетъ; ля-
жетъ спать, и во снѣ прожитая жизнь у не-
го изъ головы не выходитъ; сердце ноетъ,
жалко ему Марьи, счастья своего жалко.

Опять стала такая тоска его брать, что
самъ себѣ не радъ; разъ даже утопиться
хотѣлъ, да Богъ уберегъ.

IX.

Быль пасмурный, вѣтреный день. Давно уже поднялись съ отдыха бурлаки и за работу опять взялись. Кряхтятъ они, тяжелыя ноши съ одной барки на другую таскають. Василий съ Иваномъ тутъ же работаютъ.

Не глядитъ въ глаза Ивану Василий, все въ сторону отвертывается — будто не видитъ его, а Ивана горе томить, да злоба на сердцѣ кипитъ. Работаютъ они, торопятся. Къ вечеру сталь крѣпчать вѣтеръ, сталь все сильнѣе и сильнѣе барки качать. Забурлила матушка Волга и стала на барки волнами хлестать. Лоцмана торопятъ, на бурлаковъ кричатъ:

— Скорѣй, скорѣй, братцы, таскай, не зѣвай!

Дружно работаютъ бурлаки: самимъ поскорѣе окончить хочется.

— Работай, работа-ай!.. ишь какъ задуло...

Бурлитъ Волга, бѣляки по водѣ заходили, на небѣ тучи пошли.

Торопиться надо... баржу отвести, съ яко-

ря снять... Начали больше торопить лоцмана:

— Эхъ, немного, ребяташки, немного, до-таскивай-а-ай! Дружнѣй, дружнѣй! Подай, подавай!

Скрипятъ мачты, ходятъ по доскамъ бурлаки съ барки на барку, и доски подъ ними качаются; итти трудно, а лоцмана торопятъ:

— Эй вы, поживѣй, поживѣй!

Идетъ впереди Василий, тяжелую ношу на себѣ несетъ; подошелъ къ переходу, ступилъ на доски, попробоваль, ступилъ шагъ, ступилъ два, — качаются доски; выѣхала одна доска концомъ и вдругъ сорвалась съ баржи. Не успѣлъ опомниться Василий и прямо въ воду между барокъ упалъ съ своей ношей. Ахнули бурлаки, ноши побросали, стали кричать, засуетились, къ лодкѣ побѣжали, а кто за бортъ смотреть — не видать ли Василия? А онъ какъ упалъ въ воду, окунулся, его подъ барку подтянуло; вынырнулъ онъ уже за баркой, сталь кричать, помощи просить, да захлеснуло его волной, окунулся, опять и опять вынырнулъ, но уже много

дальше, и начало Василья все дальше и дальше отъ барокъ тащить: никакъ не можетъ съ волнами да вѣтромъ справиться. А бурлаки все съ лодкой не справятся, суетятся около, да кричатъ попусту; того гляди, не поспѣютъ... потонетъ Василій.

Стоитъ Иванъ на кормѣ, точно окаменѣлъ, самъ не свой сдѣлался и въ лицѣ мѣняется, смотреть онъ на Василья; широко глаза раскрылъ; видитъ: тянетъ того все дальше; вотъ волной накрыло—захлещетъ парня; не поспѣютъ бурлаки; вотъ еще прокричалъ Василій... Встрепенулся вдругъ Иванъ, будто опомнился, началъ рубаху съ себя стаскивать, сапоги снимать; руки дрожать, торопится и вдругъ прямо въ воду бросился. Поплылъ онъ на Василья; легко ему по вѣтру плыть, спѣшить онъ, чтобы скорѣе Василья догнать, а тотъ то пропадетъ, то опять появится,—видно, изъ силъ выбиваться сталъ. Увидали бурлаки, что Иванъ въ воду бросился, остановились сначала, съ лодки смотрѣть стали, а потомъ торопиться начали—за Иваномъ плыть. Доплылъ Иванъ до Василья; тотъ совсѣмъ изъ силъ вышелъ, ко

дну-было пошелъ; схватилъ его одной рукой Иванъ, поддерживать сталъ и назадъ поплылъ. Далеко ихъ отъ барокъ отнесло. Тяжело стало Ивану назадъ плыть противъ вѣтра, и одному трудно справляться, а тутъ Василья держать надо: тотъ безъ памяти на рукѣ у Ивана повисъ. Видитъ Иванъ, что дѣло плохо, началъ кричать, а товарищи съ лодкой на помощь къ нимъ спѣшать. Совсѣмъ ослабѣвать сталъ Иванъ, когда лодка къ нимъ подошла, — не помнилъ, какъ ихъ въ лодку обоихъ втащили.

Насилу отдышался Иванъ, а Василій только на баржѣ опомнился. Стоять около него бурлаки, говорятъ:

— Ну, братъ, пропалъ бы ты, кабы не Иванъ!..

— За него Бога моли.

— Себя не пожалѣлъ, за тобой бросился!

— Ай да хватъ парень!.. Молодецъ!..

Слушаетъ Василій, молчить, насупился, а слова эти будто ножомъ его рѣжутъ. Долго сидѣлъ Василій задумавшись, и чувствовалъ онъ, что въ душѣ у него переверотъ дѣлается, и сердце будто размякло, и невольныя

слезы на глаза наворачиваться стали. Вытретъ онъ ихъ, а онъ опять набѣгаютъ. Всталъ вдругъ Василій, прямо къ Ивану подошелъ и говорить:

— Спасибо тебѣ, Иванъ, жизнь ты мнѣ спасъ.

Взглянулъ на него Иванъ.

— Полно, — говоритъ, — что ты? дѣло Божье...—и отвернулся, пошелъ прочь.

Поглядѣлъ ему Василій вслѣдъ, еще что-то сказать хотѣлъ, да махнулъ рукою, а слезы такъ и хлынули. Прошелъ Василій на корму, легъ тамъ, подперъ голову руками и задумался. Давно уже на баржѣ всѣ спать улеглись, а онъ все лежалъ такъ, все думалъ и плакалъ. И слезы эти душу ему облегчили.

X.

Въ тотъ день, какъ Иванъ врага своего отъ смерти спасъ—первый разъ онъ все свое горе забылъ, и съ души будто тяжесть сва-

лилась. Въ первый разъ послѣ своего горя почувствовалъ онъ радость на сердцѣ, и понялъ онъ, что жалость къ врагу дала ему эту радость. И стало у него свѣтло на душѣ, такъ свѣтло, какъ никогда ему въ жизни не было.

Легъ спать Иванъ, и то, что его прежде мучило, отошло отъ него. Сталъ онъ спокойно засыпать, какъ вдругъ слышитъ, кто-то его трогаетъ. Привсталъ онъ немного, слышитъ:

— Иванъ... ты, что ли, это?

— Я, кто тутъ?

Бухнулся человекъ на полъ къ Ивановымъ ногамъ, охватилъ ихъ и головой о нихъ биться сталъ, зарыдалъ и заговорилъ:

— Прости меня, Иванъ, Христа ради, для Бога прости; много я тебѣ зла дѣлалъ, я и Марью твою погубилъ... вяжи меня, объяви, пусть судятъ, только прости ты меня, зла не помни...

И сказалъ Иванъ:

— Перестань, Василій! Давно ужъ я тебя простилъ, и Марья тебѣ простила. Зачѣмъ

зло помнить, — зломъ горю-то нельзя помощи дать; говорилъ я тебѣ и раньше это.

Лежитъ Василій, не встаетъ и плачетъ.

— Тяжело мнѣ стало, какъ ты доброе дѣло сдѣлалъ, Иванъ, не могу я перенести этого; лучше бы ты зло мнѣ сотворилъ... Объявляй обо мнѣ: убійца вѣдь я; а то самъ объявлюсь... на себя руки наложу.

А Иванъ говорить:

— Зачѣмъ объявлять... живи по-Божьи, любовью живи, зла не дѣлай, тогда и Богъ тебя проститъ, и люди простятъ, и самому легче будетъ.

— Ахъ, Иванъ, Иванъ, что же ты это... Развѣ я стѣю? — плачетъ Василій.

— Не мнѣ тебя судить, — отвѣчаетъ Иванъ. — Самъ Богъ тебя простилъ, коли ты покаяться вздумалъ; это Богъ тебѣ свѣтъ указалъ, ну и дѣлай такъ, какъ Богъ тебѣ велѣлъ: къ свѣту иди; понялъ ты добро-то сердцемъ и держись его, не уступай.

Успокоился немного Василій, всталъ, подумалъ и сказалъ:

— Тяжело мнѣ было, Иванъ, ахъ тяжело! Теперь ты снялъ съ меня камень. Вѣкъ

тебя благодарить буду. Какъ простилъ ты меня, легче мнѣ стало. Открылъ мнѣ Господь, что могу я грѣхъ свой загладить... Спасибо, родной, тебѣ, спасибо! — и поклонился Василій ему въ ноги.

И сказалъ Иванъ:

— Богъ тебя проститъ, дай тебѣ Богъ... — и самъ заплакалъ.

И съ той самой ночи стали жить Иванъ съ Васильемъ ровно братья родные. Дивились люди той переменѣ, какая съ Васильемъ сдѣлалась; совсѣмъ переродился парень; тихій да работящій такой сдѣлался, услужливый, и худыхъ рѣчей отъ него не стало слышно, да и пить совсѣмъ пересталъ. Дивились и тому люди, что вдругъ у Ивана съ Васильемъ дружба завелась.

Вернулись они домой, стали другъ другу, какъ братья, помогать въ работѣ, и въ хозяйствѣ у нихъ пошло лучше, и такъ они сдружились, будто между ними никогда зла не было.

И вспомнилъ Иванъ мать свою, какъ она передъ смертью его учила, и узналъ онъ на дѣлѣ, что зло любовью гасить надо, и что

ему самому и врагу его только добро^ю помогло. И почувалъ онъ больше радости, когда понялъ, что Христову заповѣдь соблюлъ.

И сталъ онъ помаленьку свое горе забывать и успокоился духомъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВА:

„Посредникъ“, „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“ и „Взаимная помощь“.

Съ 1885 г. по 1911 годъ издано свыше 1200 книгъ (цѣною отъ $\frac{3}{4}$ к. до 3 руб.), распадающихся на слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ общедоступныхъ изданій „Посредника“.

Очерки, рассказы, повѣсти, романы. Сказки. Сборники стихотвореній. Пьесенки. Произведенія для народнаго театра. Книжки для дѣтей младшаго возраста. Житія и поученія святыхъ. Религіозные вопросы. Жизнь и ученіе мудрецовъ. Очерки религіозныхъ движеній. Историческіе рассказы и жизнеописанія. Описание разныхъ земель и народовъ. Природовѣдѣніе. Гигіена, лѣченіе и уходъ за больными. Половой вопросъ. О пьянствѣ и куреніи.

Общій отдѣлъ изданій „Посредника“.

Очерки, рассказы, повѣсти, романы. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Біографія. Исторія. Философія. Религія. Исторія религіозныхъ движеній. Очерки по искусству. Экономическіе и общественные вопросы. Вегетарианство. Половой вопросъ. Гигіена, лѣченіе болѣзней. Алкоголизмъ.

„Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“.

Крестьянская жизнь и ея улучшеніе. Общее улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Полеводство, садоводство и огородничество, скотоводство, птицеводство и скотобѣченіе. Травосѣяніе. Пчеловодство. Производства, промыслы и ремесла. Лѣченіе болѣзней, распространенныхъ въ деревняхъ, и сбереженіе здоровья.

„Взаимная помощь“.

Книги по устройству потребительскихъ обществъ, производителей артелей, кредитныхъ товариществъ, селско-хозяйственныхъ обществъ, общинъ и вообще разныхъ видовъ коопераций и т. п.

Всѣ книги вышеозначенныхъ издательствъ продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи), во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада издательства по адресу: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается по требованію бесплатно подробный каталогъ издательствъ.